

Дискусии

РАДИКАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (II)

*Юлиан Тютюнник*¹

DOI: 10.35101/prg-2023.1-2.8

Понятие радикальной географии появилось в конце 1960-х и в 1970-х гг. стало очень популярным в Америке и Европе. «Радикальная география» – это проблемно ориентированная исследовательская тематика географической науки, объединяемая «концептом социальной справедливости» (Д. Харвей). Она имеет такие отличительные черты: а) своеобразие самой тематики, определяемой пространственными и экологическими проблем, которые порождаются насилием человека над человеком и человека над природой; б) признаки «научного андеграунда» (В.М. Котляков – В.С. Преображенский); в) «левую» политическую ориентацию теории и методологии. Радикально-географические интенции в культуре и науке присутствовали всегда. В статье прослежена их эволюция, начиная с древнегреческой античности и заканчивая 1970-ми годами. Высказывается и обосновывается точка зрения, что на историческом этапе «современность» трансформация радикально-географических идей обуславливается а) историческим исчерпанием марксизма, как проекта будущего общества, б) возникновением новейшего эгалитарно-антиэтатистского учения «постанархизм», в) кардинальными трансформациями исторического процесса, связанными с утверждением в современном обществе принципов сети (в широком понимании) и эсхатологическими ожиданиями экологической катастрофы. Современная география не может не быть радикальной.

Ключевые слова: радикальная география, права человека, социальная справедливость, сеть, мультикультурализм, постанархизм, экологическая катастрофа, эсхатология

---

¹ Национальный ботанический сад им. Н.Н. Гришка Национальной академии наук Украины, yulian.tyutyunnik@gmail.com

Статья «Радикальная география: история и современность» состоит из двух частей. Она была написана для российского географического журнала «Географический бюллетень», который издаётся Пермским университетом, и была принята журналом к печати. Но удалось опубликовать только первую часть – в начале 2022 года, читатель без труда найдёт её в Сети, т.к. журнал «Географический бюллетень» имеется в свободном доступе. Электронный адрес журнала – <http://press.psu.ru/index.php/geog>, точный электронный адрес первой части статьи «Радикальная география ...» в первом номере журнала за 2022 год – <http://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/5320/3879>.

Вторую часть статьи опубликовать не удалось: 24 февраля 2022 года началась русско-украинская война и публикации статей украинских авторов в российских журналах прекратились по политическим причинам. Читатель может сам обратиться к тексту первой части по указанному электронному адресу, но думаю, что небесполезным будет очень кратко изложить её содержание и здесь.

Радикальная география является проблемно-ориентированной тематикой в системе географических наук, в центре внимания радикальной географии – географические проблемы, обусловленные эксплуатацией человека человеком, социальной несправедливостью, экономическим неравенством и разнообразными формами насилия внутри общества и общества по отношению к природной среде. Радикально-географические интенции в культуре и науке очень давние и зародились в Древней Греции (философия киников, стоиков, Демокрита). Средневековое сознание европейцев отталкивалось от Библии, в которой имеется целый ряд радикально-географических высказываний экологического толка. Они были развиты и положены в практику христианской аскезы св. Франциском Асизским, Дж. Савонаролой, Дж. Уиклифом и др. Эсхатологическое сознание эпохи Каролингского возрождения (8-9-й вв.) послужило предпосылкой для формирования экологического алармизма. В 12-13-м вв. радикально-географическая практика имела место в организации жизни средневековых вольных городов. Позднее Средневековье ознаменовались началом колониальной экспансии, которая христианскими гуманистами того времени, например, Бартоломе де лас Касасом, осмысливалась также в достаточно радикальном для того времени контексте (в частности, как требование уважения прав человека). Реформация выдвинула на первый план разного рода леворадикальные христианские ереси, в рамках которых делались попытки по практической организации общественной жизни и систем расселения на эгалитарных и антиэтатистских началах (например, анабаптистами в городе Мюнстере в 16-м в.). С наступлением эпохи Нового времени радикально-географическая проблематика прочно стала на основание рационализма и гуманизма. На формирование научных радикально-географических идей большое влияние оказали работы Этьена де ла Боэси, Т. Мора, Ф. Бэкона, Т. Кампанеллы, а социалисты-утописты 18-19-го вв. пытались реализовывать их не практике. В конце 19-го в. очень популярной стала идея города-сада Т. Фрича и Э. Говарда, которую пытались реализовывать практически, иногда небезуспешно. Выросшая из идеи города-сада концепция дезурбанизма послужила основой для формирования принципов сетевой пространственной организации общества. В Новое время продолжилась также борьба с идеологией и практикой колониализма, в рамках которой был сформулирован ряд радикально-географических положений, в частности, зародилась идея мультикультурализма (Дж. Бруно, Г. Форстер, Д. Ливингстон). Эпоха Просвещения дала целый каскад радикальных идей по справедливой организации общественной жизни (Дж. Беллерс, Ф. Буассель, Л.М. Дешан, Э.Г. Морелли, Г.Б. Мабли, Ж. Мелье), а работы итальянского врача Б. Рамаццини стали первыми в той сфере, которую сегодня принято именовать «проблемы загрязнения окружающей среды». Мощным стимулом к формированию радикальной эколого-антропологической

тематики послужили исследования Т.Р. Мальтуса. 19-й век в контексте становления радикальной проблематики географии ознаменовался двумя крупными событиями: 1) формированием принципов инвайронментализма в рамках европейского романтизма и американского трансцендентализма; 2) возникновением марксизма, который до 1990-х годов включительно будет для радикальной географии иметь очень важное и крайне противоречивое значение. На этом первая часть статьи «Радикальная география, история и современность» заканчивается.

RADICAL GEOGRAPHY, HISTORY AND MODERNITY (II)

Yulian Tyutyunnik

Abstract: The concept of radical geography emerged in the late 1960s and became very popular in America and Europe in the 1970s. «Radical geography» is a problem-oriented research topic in geographical science, united by the «concept of social justice» (D. Harvey). It has such distinctive features: a) the uniqueness of the theme itself, defined by spatial and ecological problems, which are generated by man's violence against man and man against nature; b) signs of a «scientific underground» (V.M. Kotlyakov – V.S. Preobrazhensky); c) the «leftist» political orientation of theory and methodology. Radical-geographical intensions in culture and science have always been present. The article traces their evolution from ancient Greek antiquity to the 1970s. The viewpoint that at the historical stage of «modernity» the transformation of radical geographic ideas is conditioned by a) historical collapse of marxism as a project of future society, b) emergence of the newest egalitarian and antiestablishment doctrine «postanarchism», c) cardinal transformations of historical process connected with assertion of network principles (in a broad sense) in modern society and eschatological expectations of ecological disaster, is expressed and justified. Modern geography cannot but be radicalised.

Keywords: radical geography, human rights, social justice, networking, multiculturalism, postanarchism, environmental disaster, eschatology

Addendum to the annotation

The article “Radical Geography: History and Modernity” consists of two parts. It was written for the Russian geographical journal “Geographic Bulletin”, which is published by Perm’ University, and was accepted by the journal for publication. But only the first part was published - at the beginning of 2022, the reader can easily find it on the Web, since the Geographical Bulletin magazine is freely available. The electronic address of the journal is <http://press.psu.ru/index.php/geog>, the exact email address of the first part of the article “Radical Geography...” in the first issue of the journal for 2022 is <http://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/5320/3879>. The second part of the article could not be published: on February 24, 2022, the Russian-Ukrainian war began and the publication of articles by Ukrainian authors in Russian journals ceased for political reasons. The editorial board of the journal “Problems of Geography” and personally the editor-in-chief of the journal, Mr. Marian Varbanov, came to the rescue and kindly agreed to publish the second part of the article «Radical Geography» (which is a worthy example of the solidarity of the scientific geographical community). The reader himself can refer to the text of the first part at the indicated e-mail address, but I think that it would be useful to briefly outline its content here as well. Radical

geography is a problem-oriented topic in the system of geographical sciences, the focus of radical geography is geographical problems caused by the exploitation of man by man, social injustice, economic inequality and various forms of violence within society and society in relation to the natural environment. Radical geographical intentions in culture and science are very old and originated in ancient Greece (the philosophy of the cynics, stoics, Democritus). The medieval consciousness of Europeans was based on the Bible, which contains a number of radical geographical statements of an ecological nature. They were developed and put into the practice of Christian asceticism by St. Francesco d'Assisi, G. Savonarola, J. Wycliffe and others. The eschatological consciousness of the era of the Carolingian Renaissance (8th-9th centuries) served as a prerequisite for the formation of ecological alarmism. In the 12th-13th centuries radical geographical practice took place in the organization of the life of medieval free cities. The late Middle Ages were marked by the beginning of colonial expansion, which was also interpreted by Christian humanists of that time, for example, Bartolomé de las Casas, in a context that was quite radical for that time (in particular, as a demand for respect for human rights). The Reformation brought to the fore all sorts of left-wing radical Christian heresies, within which attempts were made to practically organize social life and settlement systems on egalitarian and anti-statist lines (for example, by the Anabaptists in the city of Münster in the 16th century). With the advent of the epoch of modern times, radical geographic problems firmly established themselves on the basis of rationalism and humanism. The formation of scientific radical geographical ideas was greatly influenced by the works of Etienne de la Boesie Étienne de La Boétie, T. More, F. Bacon, T. Campanella, and the utopian socialists of the 18th-19th centuries, tried to implement them in practice. At the end of the 19th century the idea of a garden city by T. Fritsch and E. Howard, which they tried to implement practically, sometimes not without success, became very popular. The concept of desurbanism, which grew out of the idea of a garden city, served as the basis for the formation of the principles of the network spatial organization of society. In modern times, the struggle against the ideology and practice of colonialism also continued, within which a number of radical geographical provisions were formulated, in particular, the idea of multiculturalism was born (G. Bruno, G. Forster, D. Livingston). The Age of Enlightenment also gave a whole cascade of radical ideas regarding the just organization of social life (J. Bellers, F. Boissel, L.M. Deschamps, E.G. Morelly, G.B. Mably, J. Meslier), and the work of the Italian doctor B. Ramazzini became the first in the field, which today is commonly referred to as "problems of environmental pollution." T.R. Malthus. The 19th century, in the context of the formation of the radical problems of geography, was marked by two major events: 1) the formation of the principles of environmentalism within the framework of European romanticism and American transcendentalism; 2) the emergence of Marxism, which until the 1990s inclusive will have a very important and extremely contradictory significance for radical geography. This is where the first part of the article "Radical Geography, History and Modernity" ends.

КЛАССИЧЕСКАЯ РАДИКАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ, ЕЁ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И ПРОДОЛЖАТЕЛИ

В литературе к прямым – конец 19-го – начало 20-го вв. – предшественникам радикальных географов относят известных географов-анархистов Петра Алексеевича Кропоткина, Жака Элизе Реклю, Льва Ильича Мечникова. Думаю, нужно назвать также писателя, этнографа и географа Джеймса Уилларда Шульца (1859-1947), изучавшего в этот период жизнь североамериканских индейцев, породнившихся с ними и ставшего защитником их прав. Важный вклад в становление непосредственной тематики радикальной географии внёс революционный марксизм начала 20-го века. Особое значение имели работы В.И. Ульянова

«Развитие капитализма в России» (1899) и Р. Люксембург «Накопление капитала» (1913). Но после событий 1917-го года промарксистская радикальная география (РГ) начала стремительно институционализироваться, то есть терять признаки науки андеграунда, а это, как мы знаем, необходимо для того, чтобы быть радикальной (см. первую часть статьи). Ответы на вопросы о том, как географ может стать участником борьбы с социальной несправедливостью, были заранее готовы в рамках «единственно верного учения», радикализм географии заменили на «марксистско-ленинскость». Тем самым проблематика радикальной географии, как таковой, с повестки дня была снята, банально заидеологизирована и превратилась в тривиальный догмат (хорошо известный географам старшего поколения). Произошло это не сразу, до момента утверждения в СССР сталинизма (вторая пол. 1930-х) кое-какие признаки радикализма в советской географии всё же наблюдались. Как на советских географов-радикалов иногда указывают на П.В. Гуревича, М.С. Минускина, Б. Казанского (последний – псевдоним) (Быков, 1980; Николаенко, 2002). Они до предела политизировали экономическую географию, которая, по мнению Казанского, “должна изобразить на карте экономический кризис капитализма и перспективы мировой революции. Экономическая же география СССР должна дать на карте план построения социализма” (цитата по (Быков, 1980, с. 49). Радикалы отрицали роль «природного фактора» вне контекста социально-экономических условий, за что Н.Н. Баранский прозвал их «природоборцами».

В связи с институционализацией «левой» географии в СССР, подчинению её «единственно верному учению», центр живой РГ-мысли постепенно перемещался на Запад. В 1920-х гг. антрополог М. Мосс разработал учение об экономике дара, в котором идеализировались системы природопользования «неисторических» народов. Интенсивно публиковался, углубляя историческую «реабилитацию» индейцев, Дж.У. Шульц. Социолог Ф.М. Трэшер обнаружил (1927) фундаментальное исследование причин и распределения преступности в большом городе – в Чикаго: в дальнейшем тема бедности и связанных с ней асоциальных форм поведения в городах будет в центре внимания РГ. В 1931 г. возникла так называемая франкфуртская школа философии истории и социальной философии. Её принято позиционировать как неомарксистскую, но это слишком узкое представление о глубине и масштабах работ её теоретиков (Т. Адорно, В. Беньямин, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер и др.). С франкфуртцами связан целый каскад идей, оказавших огромное влияние на радикальную географию 1970-х. Наиболее важными были высказанная в 1944-1947-х гг. Максом Хоркхаймером и Теодором Адорно (Хоркхаймер, 2011; Хоркхаймер, Адорно, 1997) и предварившая декларации постмодернизма *фундаментальная критика новоевропейского дискурса* («диалектики Просвещения») и впервые чётко артикулированное положение о том, что *насилие человека над природой и насилие человека над человеком имеют глубокую генетическую связь, взаимообусловлены*. Эти и другие декларации «франкфуртцев» позже были начертаны на знамёнах «новых левых», радикальных географов и экологов. В 1936-1946 гг. Мартином Хайдеггером в виде лекций были записаны мысли, легшие в основу работы «Европейский нигилизм», изданной уже в 1960-х гг. (Хайдеггер, 1988). Хайдеггер был далёк от «левых» взглядов и даже враждебен «франкфуртцам», а потому сия важная для РГ работа прошла мало замеченной.

Это вызывает некоторое удивление, поскольку Хайдеггер, как философ, идёт даже дальше «франкфуртцев», и приходит к выводу о неизбежности *пересмотра всѣй метафизики «новоговропейского человека»*. А в Канаде основоположник экономической антропологии и последовательный критик рыночного фундаментализма Карл Полањи выступил как первый «рациональный» алармист. В 1944 году он писал: “Лишѣнные предохранительного заслона в виде системы культурных институтов, люди будут погибать вследствие своей социальной незащищённости, они станут жертвами порока, разврата, преступности и голода, порождённых резкими и мучительными социальными сдвигами. Природа распадѣтся <...> реки, поля и леса подвергнутся страшному загрязнению” (Полањи, 2002, с. 87). Сразу идеи Полањи, подобно идеям Хайдеггера, были проигнорированы, но со временем приобрели большую популярность и стали одной из основ современной критики неолиберализма, в т.ч. в пространственном и экологическом РГ-контекстах. В 1948 г. увидела свет монография бразильского учёного Жозуэ де Кастро «География голода», значение которой для радикальной географии подчѣркивал известный её исследователь Д.В. Николаенко (Николаенко, 2002). В книге остро ставится и обсуждается вопрос о несправедливом распределении продовольствия между богатыми и бедными странами, о его причинах и следствиях. В контексте «урожайных» на радикально-географические идеи работ 1940-х годов, следует упомянуть также о замечательном повествовании американского лесника и охотника Альдо Леопольда «Календарь песчаного графства», вышедшем на языке оригинала в 1949 году (Леопольд, 1980). Автор стал пионером научного *глубинного* (по Арне Нэссу) *экологического мышления*, рациональными, а не романтическими, доводами обосновал возможность и необходимость “вставить на точку зрения <...> животного <...> воспринимать вещи как это животное” (Дескола, 2012, с. 256).

К более поздним, и уже более революционным, предшественникам классической РГ можно отнести А. Лефевра с его концепциями *права на город* и *производства пространства*, ситуациониста Г. Дебора, создавшего теорию *общества спектакля* и *психогеографии*; революционера и психоаналитика Ф. Фанона; гевариста Р. Дебре; идеологов европейских «новых левых» Р. Дучке, Д. Кон-Бендита и других активистов и теоретиков «красных 60-х», в той или иной форме высказывавших радикально-географические идеи. Но эти идеи у всех них были частью контекстов философского, социального, экономического, политического и даже военного. Собственно радикальной географии, чтобы стать таковой, предстояло их переакцентуировать, начать рассматривать радикальные контексты как составные части самой географии. Это и было сделано радикальными географами конца 1960-х – начала 1980-х. Ниже даѣтся персонализированный обзор их идей, исследовательских тем и практик. Он базируется на работах (Гохман, Лавров, Сдасюк, 1979; Джонстон, 1987; Лавров, 1980; Лавров, Преображенский, Сдасюк, 1979; Николаенко, 2002; Харви, 2018).

Д. Харвей. Для отечественных географов, пожалуй, наиболее известный западный географ-радикал. Придерживался марксистских позиций. Вот некоторые из его характерных высказываний. “Социальная справедливость – это нормативный концепт, и поэтому удивительно, что соображения социальной справедливости не стали неотъемлемой частью географических методов анализа” (Харви, 2018, с. 121). “Бедное население <...> выступает в качестве стабилизи-

рующего инструмента капиталистической экономики – стабилизирующего инструмента, работающего за счёт человеческих страданий и деградации” (Харви, 2018, с. 346). “Пространством манипулируют для того, чтобы показать статус и престиж” (Харви, 2018, с. 356). Особое внимание Харвей уделял урбанистике и географии городов, их роли в воспроизводстве капиталистических отношений и социального неравенства. Географ выступал против корпоративного государства, а также настаивал на необходимости революционных изменений в самом географическом мышлении.

Дж. Р. Пит. Выступал как марксист, но «допускал» высказывания анархистского толка. Говорил об «открытии» радикальной географией П.А. Кропоткина. Настаивал на том, чтобы географы разрабатывали альтернативные экологические проекты, предусматривающие “отмену логики центральной бюрократии и замену её общественным контролем анархистского толка” (Джонстон, 1987, с. 248). Написал работу о бедности в США. Призывал к тому, чтобы экология и география изучили и развенчали механизмы, увековечивающие неравенство людей.

Д. Смит. На примере городов Атланта и Темпе (США) показал и доказал высокую зависимость неравенства в пространственном распределении доходов от расового состава населения, а также связь расовой сегрегации с социальными проблемами. Высказал мысль о необходимости революционных изменений в географической науке, о её переориентации на борьбу с социальной несправедливостью. Подчёркивал, что в РГ далеко не на все вопросы можно получить удовлетворительные ответы, опираясь только на методологию марксизма.

В. Зелинский. Подверг критике прогрессизм, утверждал, что накопление материальных благ – это ещё не прогресс. Пространственные диспропорции в накоплении благ достигли колоссальных масштабов и задача географии – разрабатывать методы ликвидации этих диспропорций. Выделил пять моделей отношения общества к «синдрому роста», среди которых – и признание потенциальной возможности “прямого взрыва огромной мощности” (Джонстон, 1987, с. 222). Сам Зелинский склонялся именно к такому варианту, что способствовало укреплению среди географов алармизма. В 1971 г. выступил инициатором создания клуба «Социально и экологически ответственных географов».

Р. Дж. Джонстон. В своей известной монографии, после скрупулёзного анализа английской и американской радикальной географии, высказал и собственную позицию: “Гуманистическая география представляется не только реакцией на «антигуманное» отношение пространственной науки и бихевиористской географии к человеку. Она направлена также против той географии, которая проводит аналогичную политику в отношении ландшафта; она – своеобразный анархизм, когда люди ориентируются на познание самих себя, на самоконтроль, на контроль окружающей среды” (Джонстон, 1987, с. 217-218).

У. Бунге. Крупный представитель школы «пространственного анализа», перешедший в стан радикальных географов. Изучал негритянские гетто Детройта, уделяя особое внимание социальным и экологическим аспектам. В одном из таких гетто некоторое время работал таксистом – чтобы лучше изучить жизнь городской бедноты и факторы формирования предпосылок для социального взрыва. Предложил в американском городе различать «внешний город изобилия», «внутренний город смерти» и «промежуточный город нужды».

К. Бьюкенен. Писал об абсолютном географическом приоритете государства и необходимости его преодоления. Резко критиковал неомальтузианство. Считал, что нищета стран третьего мира носит структурный характер и целенаправленно поддерживается «Белым Севером» для того, чтобы лучше эксплуатировать ресурсы «Юга».

Б. Дэвис. Выдвинул концепцию территориальной социальной справедливости.

Д. Слатер. Занимался изучением географических проблем, возникающих при капиталистической «модернизации» стран третьего мира, показал неадекватность позитивистских и рыночных методов их решения.

Э. Отремба. Высказал идею о «социальном фоне» географии производства.

А. Шульце. Изучал влияние структурных экономических кризисов на размещение производства, региональные различия в зарплатах и на уровне безработицы.

Ф. Огден. Резко критиковал популярный в 1960-х пространственный анализ и его «академическую респектабельность».

Дж. Н. Энтрикин. Рассматривал гуманистическую географию с точки зрения экзистенциализма. Считал, что в экзистенциальном измерении она является имплицитно критической.

Разумеется, данный список лиц и взглядов не исчерпывающ. Но общее представление о темах классической радикальной географии он даёт.

Что касается радикальной экологии, то частично её идеи формулировались в рамках РГ, частично самостоятельно – в рамках разнообразных, иногда довольно экзотических, философских учений, квазиполитических движений и субкультур. Для РГ особый интерес имеют глубинная экология, зелёный анархизм (эко-анархизм), анархо-примитивизм, буддийская экономика, дуи-культура и др.

Хотя к середине 1980-х классическая радикальная география, как более-менее консолидированная проблемно-тематическая ориентация географической науки, и сошла на нет, отдельные РГ-идеи и концепции, продолжали рождаться, формулироваться, развиваться. Например, Дж. Пек и А. Тикел на страницах давнего радикально-географического журнала «Антипод» критически анализируют «новый» вид пространства – неолиберального, оперируя понятием *пространственной неолиберализации* (Peck, Tickell, 2002). Известный идеолог и лидер *антиглобалистского движения* 1980-х – 1990-х гг. С. Джордж в книге «Лозанский доклад» анатомирует понятие экономического роста и показывает, что оно несовместимо с экологическими приоритетами. Сьюзен Джордж призвала к созданию всемирной кооперативной сети, видя в ней альтернативу глобализации (т.н. *альтерглобализация*), писала о необходимости “найти рычаги воздействия, чтобы остановить тех персон, которых ранее ничто остановить не могло” (George, 2001, с. 240). В похожем ключе рассуждает создатель *миросистемной теории* И. Валлерстайн. Он показывает, что пространство не является чем-то внешним, рамкой или фоном для социальных процессов, а создаётся последними. Загрязнение окружающей среды Валлерстайн считает важнейшим фактором экономики. Ей, а вслед за ней и «обществу», скоро негде будет располагаться, кроме как в загрязнённых местах, а это потребует дополните-

льных расходов на поддержание хоть какой-нибудь стабильности в экономике и социуме. Хотя Валлерстайн и пишет об экономике, построенной по сетевому принципу, его позиция довольно пессимистична: он допускает то, что переделать миросистему на новых антикапиталистических началах невозможно (Валлерстайн, 2017). Это способствовало укреплению в радикальной географии алармистских и эсхатологических тенденций. Что касается столь популярного сегодня в академической среде «устойчивого развития», то это – глубоко реакционная неолиберальная теория. Правда, её реакционность хорошо замаскирована, имеет, я бы сказал, иезуитский, характер. Тем не менее, увидеть её не сложно. Она заключается в том, что «устойчивое развитие» так или иначе, но предусматривает сохранение эксплуатации человека человеком. А для того, чтобы «примирить» интересы антагонистических классов, групп и слоёв общества, используются разные либеральные, неолиберальные, либертарианские и шовинистические идеологемы (Тютюнник, 1998). В практическом отношении разговоры об устойчивом развитии попросту отвлекают внимание от реального решения животрепещущих радикально-географических задач. В своё время это свойство «контрреволюционных теорий» в географической науке разоблачил Д. Харвей (Харви, 2018, с. 182–183). Его вывод звучал как приговор: теории об устойчивом развитии, только оправдывают и сохраняют бесчеловечное status quo истории² (Харви, 2018, с. 188–189).

Радикальные социально-пространственные и экологические интенции продолжили своё существование в географии, философии, политике и после 1970-х. Они участвуют в формировании РГ-тематики и наших дней. Но классическая проблематика радикальной географии никуда не исчезла. Для многих уголков земного шара она актуальна в прежнем виде, так как социально-экономическая ситуация в целом там осталась такой же, какой была в 1960-х – 1970-х гг. Одновременно нужно понимать и то, что говорить о РГ в контексте именно наших дней, о своеобразии радикальной географии на историческом участке «современность», можно только выявив на нём её новизну и специфику.

РАДИКАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НАШИХ ДНЕЙ

Очертим нижний предел «современности». Будем руководствоваться не историческими критериями, а тем, насколько полезным установление такого предела будет для наших целей. Российский географ В.И. Блануца в качестве

---

² О том, насколько мифологизирована в географии концепция так называемого устойчивого развития, свидетельствует, в частности, опыт работы в этой области таких известных украинских географов как С. Лисовский, Е. Маруняк, Л. Руденко. На протяжении 2000-х – 2010-х годов ими было написано много книг и статей о том, как территориям Украины «устойчиво развиваться». После 24 февраля 2022 года всё это стало неактуальным: города и сёла Украины – в руинах и процессы разрушения территорий русской военной ордой не прекращаются. Думали ли эти географы о глубинных законах функционирования фашиствующих неоимперий? неясных, но очень важных, политических и экономических процессах в соседнем сверхгосударстве? об извращённой психологии вождей и масс России? – всё том, что сегодня «устойчивое развитие» Украины в одночасье свело на «нет»? Очевидно, что не думали. Поэтому все их «теории» об устойчивом развитии быстро превратились в дым с запахом пороха...

начала «новой эпохи развития» предлагает принять интервал “от 1989 г. (начало новой волны глобализации) до 1995 г. (общественно значимое расширение Интернета)” (Блануца, 2012). Мы, в принципе, с этим согласны, но считаем, что хронологические маркеры «современности», полезные для географии в целом, можно было бы расширить, а для радикальной географии в отдельности – сузить. Нижнюю дату расширения мы предлагаем опустить до 1986 года: Чернобыльский взрыв показал не только *новое качество экологической катастрофы*, но и экзистенциально бесповоротно «похоронил» новоевропейское понятие прогресса³. Верхнюю дату начала «современности» стоит поднять до 2001 года: атака Аль-Каиды на США открыла в истории качественно новый «сезон» терроризма. Раньше, особенно в 1970-х, каждая террористическая группа, и левого, и правого толка, безобразничала преимущественно в рамках «своего» государства. После 11 сентября 2001 года стало ясно, что *терроризм – всемирно-историческое явление*. Тучи над миром сгустились, история вступила в новый, достаточно зловещий, этап войн, а не закончилась триумфом неолиберализма, как об этом в 1990-х вострубил Фрэнк Фукуяма.

Специально для радикальной географии репером наступления времени «современность» выберем один год – 1991-й, год краха СССР. Тогда завершился грандиозный и кровавый социально-экономический эксперимент, инициированный Владимиром Ульяновым в 1917-м году и затем подхваченный в разных географических и исторических условиях революционерами разнообразных мастей и поколений. В каком бы уголке планеты и в какие бы годы 20-го века эксперименты с революциями и строительствами социализма с последующими видами на коммунизм, не проводились, всюду они заканчивались одинаково: застенками и кровью. 20-й век показал ясно: Маркс ошибся. В его полемике с Бакуниным (см. первую часть статьи) на сторону последнего стала сама история. *Создать общество социальной справедливости после успешной социалистической или народно-демократической революции, опираясь на государство, оказалось невозможным*. В своей критической части по отношению к капитализму марксизм остаётся в целом справедливым и правильным, но в конструктивной части он потерпел полное фиаско. Для радикально-географической мысли это принципиально: популярная и мощная теоретическая база, какой совсем недавно был марксизм-ленинизм с такими своими дериватами как сталинизм, троцкизм и маоизм, перестала быть её незыблемым основанием.

Но свято место пусто не бывает. Эгалитаристский методологический вакуум, образовавшийся после исторического фиаско «научного коммунизма», должен быть чем-то заполнен. Раз марксизм проиграл, раз «пролетарские» и «народные» государства в самом деле выродились – где в гугаги, где в штази, где в чучхе, то логично, чтобы его место заняло учение М.А. Бакунина, предупреждавшего К. Маркса на рубеже 1860-х – 1870-х гг., что будет именно так. Однако не всё так просто. Классические анархизм и марксизм имеют общий

---

³ Многим такое утверждение покажется спорным. Но сошлёмся на академика Н.А. Доллежалю – главного конструктора реактора РБМК-1000 (именно такой рванул в Чернобыле). Об этом и о других своих реакторах Доллежалю говорил, как о «рукотворном мире» (Доллежалю, 2010). Насколько же зловещим в 1986 году оказался оскал этого мира! И это – о с н о в а н и е для утверждения, что именно тот год суть год экзистенциальной смерти новоевропейской идеи прогресса.

исторический корень – они продукт Просвещения, порождение новоевропейской рациональности, наследники гегелевской диалектики, носители идеологии прогрессизма, и в равной мере преклоняются пред наукой. П.А. Кропоткин, почитатель научного прогресса не меньший чем Маркс или Ленин, свой наиболее значимый теоретический труд назвал «Современная наука и анархия». А марксизм, как помнит старшее поколение, «скромно» позиционировался как «научный коммунизм» и «единственно верное учение». Но между этатизмом и антиэтатизмом коммунистического толка есть и важные отличия. Второй не был запятнан кровью. И в нём имелась социально-онтологическая «лазейка» для создания эгалитарных проектов нового типа, принципиально отличающихся от новоевропейских.

Такой «лазейкой» являются принципы *анархо-индивидуализма* (которые частично коррелируют с принципами либерализма, но только частично). О полемике коммуниста-государственника Маркса с коммунистом-безгосударственником Бакуниным известно хорошо, а вот о споре Маркса с анархо-индивидуалистом Максом Штирнером известно меньше. Анархо-индивидуализм марксизмом не просто отметался с порога, хотя он объективно и пытался осмыслить сформулированную самим же Марксом в «Экономико-философских рукописях 1844 года» проблему отчуждения человека и личности в капиталистическом обществе (прежде всего, от продуктов труда и средств производства). Анархо-индивидуализм ничтоже сумняшеся объявлялся марксистами смертельным врагом эгалитарно-коммунистических идей и апологией буржуазного индивидуализма.

Но в 21-м веке, после периода «социалистических строителей» 20-го века, ситуация сильно поменялась. На первый план выдвинулась проблема личности – хотя бы методом «от противного», в связи с опасностью её абсолютно-го нивелирования в условиях т.н. *цифровизации*, в контексте *трансгуманизма*. «Единственного и его собственность» (главный труд М. Штирнера) стали внимательно изучать. Идеи немецкого философа 19-го века нашли своё логическое продолжение и развитие в 21-м веке в теории *постанархизма*. Это учение, по нашему мнению, и является реальным претендентом на роль «отправного пункта» в процессе формирования методологического базиса *радикальной географии 21-го века*.

Принципы постанархизма разработали такие теоретики и философы современности как Дж. Адамс, Дж. Блюменфельд, Л. Колли, Т. Мей, С. Ньюман, П.Л. Уилсон (автор понятия *онтологический анархизм*), Л. Фабри, Р. Шюрманн и др. Постанархизм тесно связан с постструктурализмом и постмодерном. Его учение опирается на идеи Дж. Агамбена, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ж. Лакана, Ж.-Л. Нанси, П. Фейерабенда (автор понятия *эпистемологический анархизм*), М. Фуко. Из предшественников чаще всего указывают на Этьена де ла Бозси, Макса Штирнера и Генри-Дэвида Торо. Здесь же уместно упомянуть и идеи таких политических мыслителей России начала 20-го века как А.А. Боровой, Г.И. Чулков, П.Д. Турчанинов, хотя они и малоизвестны на Западе.

Постанархизм выступает как органическая составляющая *антинарратива* постмодерна, а поэтому он пребывает вне поля притяжения новоевропейских методологий. Применительно к радикальной географии его роль, как базового концепта, нам видится такой.

Парадоксально, но индивидуализм Штирнера даёт возможность если не избавиться, то кардинально переосмыслить категорию индивидуума. Заметим: Штирнер говорит не просто о «единственном», но о «единственном и его собственности». Тут кроется лингвистический казус, из-за которого немецкого философа и причислили к апологетам буржуазного индивидуализма. Считается, что «собственность единственного» это принадлежащие ему вещи, предметы, деньги, в то время, как это совсем не так. «Собственность» здесь имеет смысл «моё собственное Я» (буквально «*Sein Eigenes*», что можно перевести как «собственное существование»). В этом случае концепт *единственного* раскрывается совсем с другой стороны. Индивидуум, по Агамбену и Ньюману, определяются не внешними понятиями «элемент», «идентичность», «суверенность», «особенность» и т.п., а плохо вкладывающейся в новоевропейский дискурс категорией *сингулярности* (Ньюман, 2021). Совокупность сингулярностей «составляет» то, что мы привыкли называть обществом. В самом деле, к каким бы онтологическим и методическим ухищрениям не прибегать, пытаясь объединить разношерстные «индивидуумы» в «общество», они упрямо не хотят в него объединяться по факту. В частных случаях *МЫ* вполне реально, в общем, *МЫ* – эвфемизм. Это было ясно ещё Плотину, вопрошавшему: «"Мы", но кто такие "Мы"»? В «обществе», как таковом – состоящем и из святых и из подонков, слишком много элементов, которые в «целостность» можно объединить только по биологическому признаку. Но при этом теряется социальная слагающая понятия «общество». Частные же, парциальные объединения *Я* с одними и теми же признаками, например, по «экономическим интересам», ведёт к образованию внутри общества классов, групп и слоёв – как дружественных так и непрестанно воюющих друг с другом. Вряд ли к двум противоположным лагерям, к двум жёстко враждующим сторонам можно применять категорию *МЫ*.

Понятие сингулярности – из онтологии Жюль Делёза (Делёз, 1995). Сингулярностями испещрена, точнее местится, *поверхность смысла*. Она может быть истолкована как *ландшафт*. Это показано нами в работе (Тютюнник, 2002). Сингулярности в «целостность» объединяются не онтологически и не методически, а топологически – фактом и формой своей принадлежности поверхности смысла. Сингулярности плохо определяются в дискурсивных системах, поскольку сами являются предпосылками для любых определений и идентификаций. На поверхности смысла они, согласно Делёзу, маркируются глаголами в *инфинитиве*). Однако топологически сингулярности идентифицируются и репрезентируются хорошо. Правда, результаты получаются довольно непривычными, требующими для понимания больше геометрического воображения, нежели пошагового дискурса. Географа это не должно пугать, его наука мыслит, в первую очередь, геометрическими и физиономическими категориями, а потом уже остальными.

Одним из важных результатов представления поверхности смысла ландшафтом является то, что *Я* порождаются «в» ландшафте сингулярностями. Процедура такого порождения осуществляется с помощью нетривиальных экзистенциально-топологических трансформаций. Подробно она описана нами в (Тютюнник, 2002), но сейчас важнее подчеркнуть тот практически значимый для понимания генезиса и бытования общества результат, который с помощью экзистенциально-топологических преобразований поверхности смысла мож-

но получить. Результат этот таков: общество может быть представлено не как целостность (пусть и относительная), не как комплекс, не как система и т.п., а как *сборка* и *ассамбляж*, или, говоря более старым языком Штирнера, как ассоциация⁴. Ассамбляж формируется не онтологически, а экзистенциально, и проявляет себя не в дискурсе, а в топологии, в конфигурации, не обращаясь к использованию категориального аппарата той или иной природы.

Теория сборки разработана Делёзом и Гваттари в (Делёз, Гваттари, 2010), а концепт ассамбляжа, стремительно завоёвывая популярность в общественных науках, выступает своеобразным переносом положений делёзовского постструктурализма в область социально-экономических и политических отношений (Деланда, 2018). Между всеми *Я* поверхности устанавливаются связи типа *ризома* – поскольку именно такими связями «объединены» сингулярности на поверхности смысла, а значит и в ландшафте (поскольку последний можно трактовать как предметно-онтологическое заполнение «чистых» топологических конфигураций поверхности смысла). С топологической точки зрения, общество-ассамбляж это форма (или кронфигурация) ризомы на множестве единичных *Я*, каждое из которых порождается экзистенциальными трансформациями сингулярностей на поверхности смысла / в ландшафте. С ассамбляжами сегодня связываются надежды на выработку «новой теории общества» (Деланда, 2018).

Сборки-ассамбляжи, будучи социально-экономическими «воплощениями» феномена *ландшафтности*, обладают тем свойством последней, которое нами было названо *скольжением по масштабу* (Тютюнник, 2019). Применительно к общественным структурам, согласно Мануэлю Деланда, «люди не являются единственными индивидуальными сущностями, участвующими в социальных процессах, но ими являются также и сообщества, отдельные организации, отдельные города и отдельные национальные государства» (Деланда, 2018, с. 40). Упрощая, можно сказать, что каждый член общества – это «я», организация – это «Я», город это «Я» и т.д. Любой гражданин, а не только «Король-Солнце», с полным основанием может заявить: «Государство – это я/Я/Я». Радикально-географический потенциал «новой теории общества», где-то ещё умозрительной, но стремительно материализующейся в нетривиальных методических конструкциях, определяется уже следующими двумя моментами: а) фундаментальным *эгалитаризмом ландшафта* (в пику его аристократизму, о котором говорят некоторые географы), б) *ризомой*, которая на корню уничтожает связи типа «центр – периферия» и утверждает связи типа *сеть*.

Что касается радикально-экологической составляющей, то принципиально то, что сборки-ассамбляжи *гетерогенны*. Они могут состоять из чего угодно – из одних только людей (социум), из людей и не-людей (среда), из объектов природы (природы в тривиальном смысле), из объектов материальных (материя) и объектов идеальных (образы или платоновские «идеи»), из чистых форм и бесформенных субстанций и т.д. В сборках-ассамбляжах *нет места* а фундаментальной оппозиции природного и культурного. Их изучение пло-

---

⁴ «Прогресс состоит <...> по мнению Штирнера, – писал в своё время Б. Баш, – в замене общества ассоциацией (курсив мой – Ю.Т.)» (Баш, 1994, с. 471).

хо поддаётся картезианским методам. Но последние можно улучшить, добавив к ним до-новоевропейские, пост-новоевропейские и вне-европейские методы, дискурсы и даже онтологии (или «онтологические режимы» по Ф. Десколе (Дескола, 2012)). Однако в этом случае понадобится пересмотреть само понятие «изучение», и некоторые другие – привычные: «осмысление», «объяснение», «понимание» и т.п. Хорошие примеры и обзоры таких пересмотров в науке дней текущих и грядущих даны Филиппом Десколой (Дескола, 2012), Фрильофом Капра и Уго Матеи (Капа, Матеи, 2021), Эдуардо Коном (Кон, 2018), Донной Харауэй (Харауэй, 2020), Анной Цзин (2017) и др.

Одним из самых важных представляется пересмотр основ и принципов *экологического права*. Ранее возможность пролонгации понятия «субъект права» на животных и камни, реки и облака, деревья и почву, в конечном счёте, на экосистему и ландшафт в целом связывалась либо с благодатью божьей, сошедшей на нечеловеческие миры; либо с духами и божками, которые в них жили и их охраняли; либо с эстетическим сознанием и чувствами, которыми предметы и персонажи не людских миров наделялись. Это позволяло вводить представителей сих миров в контекст права в качестве не только объектов охраны, но и в статусе *истцов* и *судей*. С позиции рационального права, органически связанного с картезианством, такая юридическая вольность считалась прерогативой «маргинальных» ересей, мифопоэтики «примитивных» культур, «дремучего» ретроградства невеж. Но сегодня она всё чаще и чаще рассматривается уже как органическая и очень ценная составляющая философии права и юридического опыта всего человечества. Европейская же философия права, как квинтэссенция-суррогат рационалистических и этатистских традиций, как правило, утверждаемое экономическими интересами господствующих классов и групп, напротив, пересматривается. Процесс уже идёт. В США юристы-экофилы “трудятся не покладая рук с тем, чтобы <...> наделить деревья правосубъектностью” (Капра, Матеи, 2021, с. 291). В Эквадоре, Боливии, Венесуэле природные объекты и их покровительница богиня Пачамама наделены конституционными правами (Капра, Матеи, 2021, с. 290). В России мордовские экологи А.А. и П.А. Гагаевы уже больше десятилетия доказывают, что “географическое разнообразие обладает правами” (Гагаев, Гагаев, 2010, с. 4). Примеры можно продолжать.

Что касается электронной Сети, то на её значении для современной радикальной географии нужно остановится отдельно. Сеть находится в центре внимания географов и это естественно, поскольку она – явление пространственное. Сеть сама по себе радикальна. Она **радикальна «слева»**. Сеть лишает государство монополии на информацию и тем самым выбивает из под него одну из самых мощных исторически сформированных баз. Сеть сегодня – основа того, что в 1980-х годах было одним из главных инструментов Перестройки, затеянной Михаилом Горбачёвым – *гласности*. Она создаёт условия и предпосылки для организации экономической жизни общества, включая промышленное и сельскохозяйственное производство, по горизонтали, вне пространственных структур «центр – периферия» и без центральных органов управления: мечта *анархо-синдикализма*. Сеть – и это показал опыт социальных мобилизаций в разных странах – отличный организатор антиавторитарных, *демократических инициатив* и движений. Сеть – всемирный клуб по интересам, способ быстрого и продуктивного *общения людей* между собой. Сеть – предпосылка для ку-

льтурного и интеллектуального стирания различий между городом и деревней, в перспективе формирования единой урбо-руральной системы расселения и классической для антиэтатистских учений системы населённых мест в виде *территориально-соседских общин*. Но сеть **не менее радикальна и «справа»**. Она открывает широчайшие возможности для технологий психонетики и нейролингвистического программирования, цель которых – манипуляции сознанием и подсознанием людей со злым умыслом. Сеть – отличная техника для тотальной слежки и контроля поведения граждан, особенно подверженных «вредной» привычке иметь собственное мнение. Сеть отупляющее воздействует на пользователей компьютерными технологиями, упрощает подачу, осмысление и репрезентацию информации, формирует интеллектуальную лень с последующей деградацией личности. Сеть ворует свободное время у любителей «гаджетов», тратящих его на всякую чепуху, доводит человека до патологической зависимости от электронно-вычислительной машины. С сетью связаны новейшие формы преступности (киберпреступность), в том числе и в политических областях (например, манипуляции в избирательных процессах). И, наконец, самое неприятное в том, что в лоне сети вызревает *искусственный интеллект*: ещё один рукотворный мир. На что оказался способным атомный рукотворный мир, мы уже видели. На что способен цифровой рукотворный мир, можно увидеть в кинематографическом киберпанке, фильмах-антиутопиях и фэнтэзи сегодня. А завтра?..

Географ, имея дело с Сетью, не может не стать радикальным. С одной стороны, он всеми доступными для его науки средствами должен развивать и утверждать её демократический и гуманистический потенциал. С другой – как только можно, бороться с *цифровым фашизмом* и попытками строить всемирный цифровой концлагерь (сколь близко человечество к нему подошло, показывает, в частности, опыт современной России).

И в завершение – о самом радикальном и для многих географов неприемлемом моменте. Новоевропейский дискурс и его наука однозначно ориентированы на «прогресс» и «развитие». Вне этих категорий науки просто нет, иные модели бытия попросту не допускаются к рассмотрению. Но логика нашего времени жестока и установкой на прогресс-развитие на сто процентов уже не определяется. Факты говорят о том, что концептов разложения, деградации, насилия и саморазрушения в ней тоже предостаточно. Чего сегодня больше, а чего меньше – не понятно, и это «непонятно» переходит в область веры-неверия (по существу, в область религиозного сознания). Но одно можно наблюдать с достаточной простотой и понимать с очевидностью: корень зла – потребление, потребление всего и вся – не только материальных благ и чувственных удовольствий, но и таких «тонких материй», как себялюбие, властолюбие, садистские зрелища, даже ... бессмертие, о котором сегодня всерьёз ведут речь так называемые трансгуманисты. Чтобы остановить разрушение и саморазрушение географической (ландшафтной) оболочки, необходимо остановить маховик потребления, но это невозможно, так как потребление – альфа и омега капиталистического способа производства и частнособственнического бытия в его самых разных социальных и идеологических конфигурациях. Других – щадящих планету способов общественного бытия в реальной исторической практике и в значимых географических масштабах сегодня ещё нет, они только

зарождаются (хотя этот процесс, что вселяет надежду, и идёт ускоренными темпами). Из такой достаточно очевидной констатации следует неутешительный вывод: под прессом ничем не обузданного потребления и циркуляции финансового капитала; под грузом разного рода гиперэстатистских – тоталитаристских и авторитаристских социально-политических структур (Иран, Китай, Северная Корея, Россия и др.); под давлением прогрессистского сознания современного, уже глобализованного, человека, которое слабо подкреплено моральными императивами; и, наконец, под прямым воздействием войн, в период которых, кажется (автор хотел бы ошибиться!), входит планета Земля, – под тяжестью всего этого **географическая (ландшафтная) оболочка будет продолжать разрушаться**. Её трансформации в среднесрочной или долгосрочной перспективе имеют все шансы пойти не по 1-му привычному для новоевропейской ментальности сценарию прогресса и развития, а по сценариям, находящимся за пределами проекта Просвещения и Модерна – по сценариям частичного и обратимого (2-й) или полного и бесповоротного (3-й) разрушения и саморазрушения (Тютюнник, 2019, с. 101). В литературе уже можно встретить термин *поврежденная планета* и размышления над тем, как «выжить на руинах капитализма» (Харауэй, 2020; Цзин, 2017). Это уже не экологический алармизм, а настоящая экологическая эсхатология – не далёкая от той, которая описана в 66-й книге Библии. Сегодня именно она видится нам главной проблемой радикально-географического осмысления и научного поиска. Хотя последнее словосочетание в какой-то мере и звучит уже иронически.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ход времени сегодня невероятно скоротечен. Эта скоротечность сама по себе радикальна. Она не даёт опомниться и сосредоточиться, заставляет л и х о р а д о ч н о искать методические решения и логические выходы из самых, казалось бы, невероятных экзистенциальных ситуаций. То, что вчера казалось невообразимым, например, война РФ с Украиной, сегодня научным сообществом осмысливается в состоянии едва ли не *интеллектуального невроза*. Перемены эти животрепещущи и настолько свежи, что их почти невозможно методически объективно, не давая волю эмоциональным оценкам, осмыслить и понять, а тем более спрогнозировать. Но пытаться делать это нужно. Потому что это работа учёного, его прямые функциональные обязанности. Очевидно, что без радикально-географического подхода здесь не обойтись. Радикальная география всегда интересовалась болезненными проблемами планеты и общества, на то она и радикальная. Начиная от древнегреческих киников и стоиков и заканчивая современными постструктуралистами и постанархистами, она нарабатывала достаточно богатый багаж подходов и концепций. Он – история науки, он же – основа для актуализации РГ-подходов в новых исторических условиях. Однако какие бы новые приёмы и методы научного радикально-географического поиска и решений в нашем цеху сегодня не обсуждались, неизменным должно и будет оставаться следующее, чётко и безапелляционно сформулированное Дэвидом Харвеем, положение: **социальная справедливость – концепт географии** (см. выше). Это не меняется и не трансформируется.

ЛИТЕРАТУРА

- Баш, В.** 1994. Индивидуалистический анархист Макс Штирнер: пер. с фр. / Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. С. 442-474.
- Блануца, В.И.** 2012. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // ГиПР. 2012. №1. С. 5-13.
- Быков, В.И.** 1980. Истоки «левизны» в экономической географии 30-х годов // Вопр. геогр. 1980. Вып. 115. С. 44-54.
- Валлерстайн, И.** 2017. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. 2-е изд. М.: URSS, 2017. 300 с.
- Гагаев, А.А.; Гагаев, П.А.** 2010. Культурный ландшафт как субъект гражданских прав // Теория и практика планирования культурного ландшафта: Материалы Всерос. научно-практической конф. Саранск, ноябрь 2010 г. Саранск: изд-во Морд. ун-та, 2010. С. 3-7.
- Гохман, В.М.; Лавров, С.Б.; Сдасюк, Г.В.** 1979. Социально-экономическая география Запада на переломе // Изв. ВГО. 1979. Т. 111, №2. С. 97-105.
- Деланда, М.** 2018. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
- Делёз, Ж.** 1995. Логика смысла / пер. с фр. М.: Издательский центр «Академия», 1995. 300 с.
- Делёз, Ж.; Гваттари, Ф.** 2010. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
- Дескола, Ф.** 2012. По ту сторону природы и культуры / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
- Джонстон, Р. Дж.** 1987. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. / пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
- Доллежалъ, Н.А.** 2010. У истоков рукотворного мира: (записки конструктора). Изд. 4-е, доп. М.: ИздАТ, 2010. 262 с.
- Капра, Ф.; Матен, У.** 2021. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. М.: изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 328 с.
- Кон, Э.** 2018. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 2018. 344 с.
- Лавров, С.Б.** 1980. Аспекты западной социальной географии: Экономическая и социальная география // Вопр. геогр.: Сб. Вып. 115. М.: Мысль, 1980. С. 67-87.
- Лавров, С.Б.; Преображенский, В.С.; Сдасюк, Г.В.** 1979. Современная «радикальная» география Запада: корни, история и позиции // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1979. №2 С. 135-145.
- Леопольд, О.** 1980. Календарь песчаного графства / пер. с англ. М.: Мир, 1980. 216 с.
- Николаенко, Д.В.** 2002. Радикальная география. Сущность, генезис, проблемы и перспективы / Д.В. Николаенко. Сочинения. Том 4. СПб: изд-во «Амадеус», 2002. С. 177-216. Адрес доступа: https://www.researchgate.net/publication/325312324_Radikalnaa_geografia_Susnost_genezis_problemy_i_perspektivy_Nikolaenko_DV_Socinenia_Tom_4_Sankt-Peterburg_Amadeus_2002_-_s_177-216. Последнее обращение 22.11.21.
- Ньюман, С.** 2021. Постанархизм / пер. с англ. М.: РИПОЛ классик, 2021. 208 с.
- Поланьи, К.** 2002. Великая трансформация / пер. с англ. СПб.: Алетейя. 2002. 320 с.
- Тютюнник, Ю.Г.** 2019. Ландшафт и ландшафтность. К.: Институт эволюционной экологии НАН Украины, 2019. 124 с.
- Тютюнник, Ю.** 1998. «Радикальная география»: к критике концепции устойчивого развития // Альтернативы. 1998. № 3. С. 145-156.

- Тютюнник, Ю.Г.** 2002. Тоталлогия ландшафта. К.: Центр гуманитарного образования НАН Украины, 2002. 122 с.
- Хайдеггер, М.** 1988. Европейский нигилизм: пер. с нем. / Проблема человека в западной философии. М. Прогресс, 1988. с. 261-313.
- Харауэй, Д.** 2020. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене / пер. с англ. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
- Харви, Д.** 2018. Социальная справедливость и город / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
- Хоркхаймер, М.** 2011. К Критике инструментального разума / пер. с нем. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
- Хоркхаймер, М.; Адорно, Т. В.** 1997. Диалектика Просвещения / пер. с нем. М.-СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 312 с.
- Цзин, А.** 2017. Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма / пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 2017. 376 с.
- George, S.** 2001. Informe Lugano / traducción de ingles. Barcelona: Icaria editorial, 2001. 256 p.
- Peck, J.; Tickell, A.** 2002. Neoliberalizing Space // Antipode. 2002. Vol. 34, No. 3. P. 380-404. Адрес доступа: https://www.researchgate.net/publication/227652742_Neoliberalizing_Space. Последнее обращение 1.10.21